

Роль значимых для чувашской культуры образов в поэзии Геннадия Айги

Ключевые слова: родной язык, символ, национальная культура, мифология, билингвизм.

В статье на материале поэзии чувашского поэта Геннадия Айги анализируется символика, имеющая важное значение для понимания материальной и духовной культуры чувашского народа. Это прежде всего образы деревьев, леса, животных, света, дороги.

Поэзия Геннадия Айги, родным языком которого является чувашский, а языком поэзии – русский, насыщенно многообразными символами. В его творчестве сосуществуют реалии советской действительности и архетипы чувашской мифологии. Однако влияние чувашской родовой культуры имеет особенную важность для анализа его поэзии.

Цель статьи – выделить и проанализировать значимую для чувашской материальной и духовной культуры символику, отраженную в поэзии Геннадия Айги. Объектом исследования послужили стихотворения сборников «Отмеченная зима» («Здесь» (1954–1988), «Продолжение отъезда» (1966–1998), «Все дальше в снега». В работе были использованы элементы культурологического и герменевтического анализа.

Геннадий Айги с детства рос в условиях сосуществования двух языков, всю жизнь писал стихи и на русском, и на чувашском языках, активно занимался переводами, всегда в творческом смысле оставался на грани между двумя культурами. «Билингвизм поэта в какой-то степени может рассматриваться как стратегия создания языка заново или создание надъязыка. Тексты известного русского поэта Геннадия Айги, чьим первым родным языком был чувашский, ярко демонстрируют определенные преимущества межъязыкового мышления билингва для создания поэтического языка» [5, 24]. Действительно, Айги конструирует собственную языковую реальность, в которой встречаются неологизмы, аллюзии на материнскую культуру, существующие понятия получают новое осмысление.

Влияние образов чувашской культуры на его поэзию очень сильно. Образы эти в равной степени относятся к мифологии и быту, мироощущению и природе Чувашии. Влияние это происходит не только на уровне привнесения образов – строй чувашского стиха влияет и на то, как строятся стихотворения самого Геннадия Айги, на их мелодичность и песенность. Символы, которые поэт заимствует из национальной культуры, в его поэзии преобразуются и получают новое осмысление. «Эстетической основой художественного мира Г. Айги является национально-мифологическое сознание этноса, истоком творчества — народное, сельское мировосприятие» [10, 7]. Однако творчество Айги шире существующей мифологии.

Примечательно, что влияние чувашской культуры на тексты Айги происходит и на уровне построения композиции. Интерес представляют результаты исследования Г. А. Ермаковой. Сборник «Здесь», как оказалось, повторение системы построек вокруг «жертвенного дерева»: «Расположение всех циклов сборника соответствует «гнездовому поселению» древних с жертвенным деревом. (...) Стихотворение «Мир-Сосны», расположенное в десятом цикле «Пора благодарности» (...) занимает центральное место, подобно «жертвенному дереву» древних чувашей. Все остальные стихотворения (...) располагаются вокруг него, как в «родовом гнезде» вокруг «дома родоначальника» и «жертвенного дерева» [9, 197].

Образ дерева имеет огромное значение для чувашской культуры. Он неразрывно связан с образом человека. «В поверьях у каждого чуваша в лесу есть дерево-двойник. Срубил его, и умрёт человек. Поэтому принято просить прощения у дерева, прежде, чем срубить» [16, 134]. То же сближение у Айги: «Не видя // лица никого // (даже лика-былинки) // И древа – (о шепот!) – // лица» [2, 226]. В поэзии Айги существует и устойчивый образ одинокого дерева, в котором можно найти аллюзии с мировым деревом, однако, вероятнее всего, на уровне архетипа: «Какое же во дереве // безмолвие // как будто в целом мире // есть только он один – сентябрьский тихий клен!» [4, 25].

Для поэзии Айги характерно как обращение к образу леса, так и использование в тексте наименований конкретных деревьев. «В творчестве Айги значимы и конкретные деревья: береза, ива (...). Так, береза соотносится с божественными ипостасями, женскими образами и образом смерти... Ива считалась символом жизни и божественного огня» [13, 113].

Однако Айги преобразует образы обоих деревьев, оставляя этническое представление о них только как пра-основу. Береза становится символом чистоты: «Березы (как вода что в лед обращена)! — // увидеть бы вас сутью нищенства: // как зрением очищенным // о: просто: чистоту!» [3, 216]. Возникает даже образ-химера, соединивший цветы и дерево: «Там были березы-цветы и сердце-дитя // а как те березы-цветы ветром этого мира сдувались» [3, 250]. Данная цитата из стихотворения, посвященного родине поэта, может служить примером, в котором чувашская деревня предстает как символ.

Ива тоже очевидно имеет сакральное значение для поэта. Ива – своеобразный символ жизни, умиротворяющий и запредельный, малопостижимый, но не отталкивающий своим величием: «Ивовою рощи спокойной (и чем-то “поту сторонней”) // и что-то “такое” // (“величие”? “благоуханье” // близкой души “чистоты несказанной”?)» [3, 348].

Одно из наиболее частотных упоминаний в поэзии Айги связано со словом «свет», что коррелирует с религиозными воззрениями Чувашии в глубокой древности, ещё до воцарения язычества: «Истоки тем света, огня, Бога (...) восходят к древней чувашской вере, той вере, где чуваша поклонялись (...) Единому Верховному Богу(...), когда закладывался фундамент чувашской идеи, в основе которой лежит понятие “свет”» [7, 239]. В поэзии Айги явно прослеживается мотив поисков света, попытки постичь, что он из себя представляет. В понимании автора этот поиск сближается с поиском Бога, причем Единого Древнего бога, а не языческого или христианского. Часто Бог и свет появляются в стихотворении совместно: «То рода свет (одно и то же гласное: // поет — во всех местах в лесу его один и тот же Бог) [3, 160]

Тишина – одно из ключевых проявлений духовности в поэзии Айги. Молчание отсылает не только к философскому красноречивому умолчанию, но и к самопогруженному обращению в мир духов, неизменно важную часть чувашской культуры: «дай нам Бог лечиться этой тишиной» [4, 29]. Не звуку противопоставляется тишина; молчание противопоставляется нарушению тишины: «Наша тишина, нарушенная нами, // тем, что где-то на дне // мы ее сделали // видимой и слышимой [2, 19].

Тишине посвящено три стихотворения Айги, и понимание ее очевидно многозначно и связано с поиском, которого касались рассуждения о природе света. «Стремление зафиксировать тишину в тексте порождает оригинальный поэтический поиск выражения многомерности мира-как-тишины, полифоническую природу творчества как “разговора” с миром» [15, 134].

Образ дороги в чувашской культуре имеет двойную трактовку, хотя первичный образ имеет тревожный и пугающий характер: «Для чувашской культуры характерно иное понимание дороги – это страдания, одиночество, разлука, смерть» [13, 108]. Однако при этом часто отмечается, что одновременно дорога – это возвращение и обретение себя: «Дорога все ближе поблескивает: будто поет и смеется! // Легка – хоть и полная – тайн» [1, 15].

Образы животных передают поэзии Геннадия Айги особый колорит: наравне с привычными уху и глазу российского читателя коровами, лошадьми, собаками и котами в текстах встречаются олени и тюлени, причем, как правило, в качестве аллюзий и сравнений.

К примеру, с тюленем часто связаны идеи движения: «И пластами тюленьими, не разграничив себя от меня, что-то тесное тихо шевелится мокрыми воротниками и тяжелыми ветками» [4, 16], «слезы тюленьи струятся» [4, 2]. Олень же предстает в более разнообразных «ролях» – животное появляется и в качестве метафоры некой простоты и чистоты: «пугая оленьим простым одиночеством» [2, 59], и в качестве содержания быта на родине: «Там иголки от крови жасмина, там // как будто обмывают оленье глаза и рога» [3, 31].

Снег – один из самых постоянных образов в поэзии Геннадия Айги. При анализе очевидной становится близость поэту именно этого образа: «А снег // Работает в полях – в ложбинах – как крестьянин» [4, 22]. Снег – это и упомянутое сияние, и мир духов, связка между действительным и нематериальным: «а я по снегам-как-идеям-снегам // вижу – иначе бредущих...» [2, 223]. В то же время снег тесно ассоциируется с зимой и холодом, часто возникает в связке с мыслями о сне и тишине: «(а данность снега снего-есмы // как дело отчужденно-личностное: // как будто похороны сна) [3, 221]. Снег в поэзии Айги – отдельная реальность, одушевленное существо, постоянное присутствие.

Творчество Геннадия Айги выходит далеко за пределы мифологии – язык его поэзии существует на грани мифотворчества, в котором через призму постоянного поиска и созерцания знакомые понятия преобразуются и получают возможность множественной трактовки. Однако при этом родовая культура проникает в глубину поэтической действительности, рождая определенную двойственность восприятия, которая возникает на границах русской и чувашской культур.

Насыщенное отсылками и значимой символикой творчество Геннадия Айги создает потенциал для дальнейшего исследования и дифференциации как образов визуальной и музыкальной культуры, так и мифологического основания поэзии автора. Влияние билингвальности автора на его творчество изучено на грамматическом и лексическом уровне, однако это исследование можно расширить и дополнить.

Литература

1. Айги, Г. Н. Здесь. Избранные стихотворения. 1954–1988 / Г. Н. Айги. – М. : Современник, 1991. – 289 с.
2. Айги, Г. Н. Отмеченная зима : собрание стихотворений / Г. Н. Айги. – Париж : Синтаксис, 1982. – 625 с.
3. Айги, Г. Н. Продолжение отъезда: Стихотворения и поэмы. 1966—1998 / Г. Н. Айги. — М. : ОГИ, 2001. – 110 с.
4. Ермакова, Г. А. Истоки мотивов света, огня в художественном мире М. Сеспеля и Г. Айги / Г. А. Ермакова // Вестник ЧГУ. – 2010. – № 4. – С. 238–241.
5. Ермакова, Г. А. Лирика Г. Н. Айги как пространство, представляющее национальный тип мышления / Г. А. Ермакова, О. Г. Владимирова, Н. И. Якимова ; под ред. О. Г. Владимирова, И. Ю. Кириллова // Язык. контакты народов Поволжья и Урала : материалы XI Междунар. симп., 2018. – С. 53–60.
6. Ермакова, Г. А. Функция слов с заглавной буквы в художественном мире Г. Айги (на примере анализа одного из циклов сборника «Здесь») / Г. А. Ермакова // Вестник Чувашского университета, 2016. – № 4. – С. 196–202.
7. Ермакова, Г. А. Эстетические основы художественного мира Г. Н. Айги : автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.01.02 / Г. А. Ермакова. – Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 40 с.
8. Мукина, И. В. Лингвокультурологическое структурирование языковых особенностей, связанных с переводом Библии на чувашский язык / И. В. Мукина, В. А. Мукин // Вестник ЧГУ. – 2014. – № 1. – С. 125–131.
9. Никитина, А. В. Мифологические образы пространства в творчестве Г. Айги / А. В. Никитина // Вестник Чувашского гос. педагогич. ун-та им. И. Я. Яковлева, 2017. – № 3–2 (95). – С. 107–115.
10. Смирнова, Т. Н. Выразительные возможности языка искусства: концепт и художественные приемы тишины в произведениях С. Губайдулиной и Г. Айги / Т. Н. Смирнова // Известия Уральского фед. ун-та. Общественные науки. – Екатеринбург, 2017. – Т. 12. – № 4 (170). – С. 121–129.

A. Y. Gilevskaya
Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University
e-mail: gilevskaya.kistochka@gmail.com

The Role of Images Significant for the Chuvash Culture in the Poetry of Gennady Aigi

Key words: native language, symbol, national culture, mythology, bilingualism.

In the article, on the material of the poetry of the Chuvash poet Gennady Aigi, the symbolism, which is important for understanding the material and spiritual culture of the Chuvash people, is analyzed. These are primarily images of trees, forests, animals, light, roads.

УДК 811.161.3.09(092)-1:[39:008](=161.3)

А. С. Дзядова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: honey.dedova@bk.ru

Этнакультурная спецыфіка канцэпту “мова” ў паэзіі Рыгора Барадуліна і Генадзя Бураўкіна

Ключавыя словы: канцэпт, нацыянальна-культурны, родная мова, семантыка, этнакультурны.

Артыкул прысвечаны выяўленню этнакультурнай спецыфікі сродкаў рэпрэзэнтацыі канцэпту “мова” ў паэзіі Р. Барадуліна і Г. Бураўкіна. Аб’ектам даследавання выступаюць лексічныя адзінкі і сінтаксічныя канструкцыі, у якіх выяўляюцца асаблівасці духоўнай культуры, нацыянальнай свядомасці і этнапсіхічныя адметнасці беларусаў як самастойнай нацыі.

Дай, мова беларуская, руку,
Перавядзі цераз раку нябыту
Р. Барадулін

Народ і мова існуюць у непарыўным адзінстве. Ёсць меркаванне, што сярод чатырох складнікаў нацыянальнай свядомасці – этнічнай, культурнай, моўнай і рэлігійнай – дамінантнай з’яўляецца моўная. На працягу стагоддзяў народы могуць змяняць сваё месца жыхарства, норавы, звычаі, рэлігію – усё, акрамя мовы. Мова – гэта не толькі сродак, з дапамогай якога людзі наладжваюць сувязі, абменьваюцца інфармацыяй. Мова – гэта своеасаблівае люстэрка жыцця і працы народа, яго гістарычнага і культурнага развіцця, этнічнага самаўсведамлення. У мове рэпрэзэнтаваны сацыяльны вопыт народа, асаблівасці яго мыслення і псіхікі, маральна-этычныя і эстэтычныя нормы. Як заўважаў вядомы рускі лінгвіст XIX ст. І. І. Сразнеўскі, “народ выражае сябе найпаўней і найдакладней у мове сваёй. Народ і мова адно без другога прадстаўлены быць не могуць” (на рускай мове) [11, 1]. Менавіта таму назва народа і назва яго мовы супадаюць.

Родная мова выступае сродкам, з дапамогай якога мы далучаемся да сваіх продкаў і нашчадкаў. Яна дазваляе нам арганічна ўвайсці ў шэраг пакаленняў, што жылі да нас і прыйдуць пасля. Гэта неацэнны духоўны скарб народа, яго жыватворная сіла, яго душа. Родная мова выступае асноўнай праявай нацыянальнага жыцця, моцным інструментам уздзеяння на свядомасць чалавека, з’яўляючыся адным са сродкаў фарміравання яго асобы і паўнаважнага выхавання.